

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗВЕСТИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ
ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том XXIX

(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

5

МОСКВА · 1970

Дополнение
Копиями Александров
Редкий

Милый мой друг Павел
Благодарю и ... Александров
Редкий

Моя жена

12 г. 31/XII - 1/1

1970 - 1971

В. С. Сидор

Д. БЛАГОЙ

ПОЭТ-МУЗЫКАНТ

(К 150-летию со дня рождения А. А. Фета) *

«Что ты за существо — не понимаю, — писал Фету незадолго до его смерти давний друг и литературный сверстник поэта Я. П. Полонский, — ... откуда у тебя берутся такие елейно-чистые, такие возвышенно-идеальные, такие юношественно-благоговейные стихотворения?... Если ты мне этого не объяснишь, то я заподозрю, что внутри тебя сидит другой, никому неведомый и нам грешным не видимый человек, окруженный сиянием, с глазами из лазури и звезд и окрыленный. Ты состарился, а он молод! Ты все отрицаешь, а он верит! ... Ты презираешь жизнь, а он, коленопреклоненный, зарыдать готов перед одним из ее воплощений...»¹. Остро сформулированное Полонским противостояние двух миров — мира жизни Фета — его мировоззрения, житейской практики, общественного поведения — и мира фетовской лирики, по отношению к первому, бывшего, словно бы антимиром, — являлось «загадкой», «тайной» и для огромного большинства его современников. По-разному отвечала на недоуменный вопрос «что же такое Фет, и как нам следует ценить его» и критика². Критики, отрицательно относившиеся к его поэзии, готовы были вслед за Писаревым рассматривать его практическую деятельность как закономерное саморазоблачение одного из наиболее воинствующих представителей реакционной теории «искусства для искусства». В противовес такому механическому отождествлению биографии Фета и его творчества, критики, высоко ценившие его лирику, наоборот, стремились полностью оторвать поэта от человека.

Однако обе эти попытки «разгадать» двойственность Фета носят явно односторонний — либо вульгарно-материалистический, либо идеалистический — характер. На самом деле «тайна» Фета и гораздо сложнее и одновременно проще.

Фет родился и провел детские годы в качестве старшего сына в семье родовитого и состоятельного орловского помещика Шеншина и его жены, урожденной Шарлотты Беккер, с которой он встретился в Германии и привез с собой на родину. И вдруг над головой четырнадцатилетнего отрока грянул неожиданный удар. Его крещение сыном Шеншина было признано незаконным. Он разом утратил все, чем, считалось, неотъемлемо обладал. Потомственный дворянин, богатый наследник внезапно превратился в «человека без имени», безвестного иностранца весьма темного и сомнительного происхождения. И в течение многих десятилетий Фет воспринимал это как мучительнейший позор, набрасывавший, по поня-

* Полностью печатается в кн.: А. Фет. «Вечерние огни» (Изд-во «Наука», серия «Литературные памятники»).

¹ Письмо от 25 октября 1890 г. Архив Пушкинского дома (в дальнейшем: ПД). Частично переписка с Полонским опубликована в «Иллюстрированном приложении» к газете «Новое время», 1914 г., № 13583, стр. 7—8.

² Н. Н. Стрехов. Несколько слов памяти Фета. — В его кн. «Заметки о Пушкине и других поэтах», 2-е изд., Киев, 1897, стр. 230.